

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так сложилось, что в нашей стране не только для широкого круга читателей, но и для специалистов-исследователей Микронезия — это настоящая *terra incognita*. Правильнее сказать — *aqua incognita*. Ни одна из освоенных человеком экологических провинций не обладает таким соотношением земли и воды — «в пользу» последней. Площадь водной поверхности, на которой разбросаны острова Микронезии, составляет около 10 миллионов квадратных километров, в то время как общая площадь суши — менее 2,5 тысяч. Даже немногочисленные вулканические острова не превышают нескольких десятков километров в поперечнике. Большинство же этих земель — коралловые атоллы — крошечные, едва возвышающиеся над уровнем моря и чрезвычайно бедные в природном отношении. Люди, заселившие их, не только должны были сюда добраться, преодолев по океану сотни и тысячи миль. Они должны были здесь выжить, для чего необходимо было сделать океан сферой хозяйственной деятельности.

В данном случае такая деятельность не ограничивалась рыболовным промыслом, которым в широких масштабах могут заниматься и жители побережий морей или рек. Население атоллов поддерживало социальные и экономические контакты как между отдельными островами, так и между целыми группами. Эти связи играли значимую роль в хозяйственной жизни и требовали постоянных более или менее длительных морских походов. Предпринимались плавания также и к необитаемым атоллам, которые могли быть источником дополнительных ресурсов, оказавшись, например, в зоне миграций каких-либо животных. Таким образом, пространство не просто океана, но океана освоенного, во много раз превышало площадь обитаемой земли. Это был в прямом смысле слова «водный мир». Этническая история микронезийцев, стратегии выживания, представления о мире — в основе всего этого — противостояние человека и океана.

Даже говоря о той стороне микронезийской культуры, которая непосредственно связана с мореплаванием, мы подразумеваем, что

она является комплексным, структурным явлением, включающим практику строительства каноэ, навыки управления ими, а также систему знаний, позволяющих мореходу ориентироваться в открытом океане. Эти знания и навыки, базирующиеся на многовековом опыте и связанные с оригинальным, отличным от выработанного западной цивилизацией стилем мышления, не просто представляют академический интерес, но имеют вполне ощутимую практическую ценность.

При этом все перечисленное является только технической стороной мореплавания, что в традиционной культуре не существует обособленно от множества других аспектов. Экологическое окружение, материалы и технологии, факторы, влияющие на выбор оптимальных маршрутов, особенности инженерного и пространственного мышления, восприятие мира, вовлеченность мореходства в систему коммуникаций населения и экономику, социальный фактор, связанный с данной экономической моделью, — это все звенья одной цепи. Необходимость адаптации к существованию в океане так или иначе проявляет себя, вызывает к жизни определенные нормы и стереотипы поведения и в конечном счете определяет самобытность микронезийской культуры. С помощью мореплавания обеспечивается оптимальный альянс с окружающей средой и происходит формирование гибких и уникальных систем, направленных на максимально эффективное поддержание биологического существования. Таким образом, мореплавание в широком смысле можно определить скорее как «микронезийский образ жизни», некий культурообразующий фактор. Конкретные проявления специфики островного существования на различных уровнях микронезийской культуры, мореходных знаний и умений микронезийцев как аспектов некоего единого целого, которое эта культура представляет, — вот тот угол зрения, под которым мы попытаемся взглянуть на этот мир.

Изучение микронезийских культур происходило в целом несколько менее активно, чем изучение других океанийских народов. Как и в большинстве случаев, круг источников здесь в значительной мере определяется колониальной историей региона. Многие из островов Микронезии (в Марианском, Каролинском и Маршалловом архипелагах) были открыты уже в XVI в. в ходе плаваний испанских судов через северную часть Тихого океана. Держава удерживала господство над ними вплоть до конца XIX в. Затем

большинство этих территорий (кроме южной части Марианских островов, доставшейся после Испано-американской войны 1898 г. США) отошли Германии, которая развернула на островах активную, в том числе и исследовательскую деятельность. Пожалуй, именно усилиями немецких ученых была заложена основа самого направления микронезистики внутри изучения Океании. Многотомные материалы экспедиции на Каролинские острова, организованной в начале XX в. (1908–1910 гг.) Гамбургским музеем, в которой приняли участие такие известные исследователи, как Августин Крёмер, Пауль Гамбрух, Эрнст Сарферт и др., можно рассматривать как энциклопедию микронезийской культуры.

Между двумя мировыми войнами немецкие владения Германии в Микронезии оказались под управлением Японии, но в это время вышло не так много этнографических публикаций. После Второй мировой войны Марианские, Каролинские и Маршалловы острова были переданы ООН под управление США в составе подопечной территории. Период американских исследований в Микронезии с 1950-х годов характеризуется работами в области фольклора и социального устройства.

Юго-восточная часть Микронезии (о-ва Гилберта), бывшая колонией Британии, в целом представлена в литературе и источниках несколько беднее. Здесь, однако, нельзя пропустить имя Артура Гримбла, который, проведя на островах в качестве представителя колониальной администрации более двадцати лет, посвятил это время изучению культуры и истории их населения.

По понятным причинам число российских исследователей, чьи имена и наследие связаны с изучением Микронезии, крайне невелико. В период первых русских кругосветных плаваний маршруты Ф.П. Литке и О.Е. Коцебу проходили через архипелаги Микронезии — Каролинские и Маршалловы острова, многие из которых были открыты этими мореплавателями. И руководители, и участники экспедиций оставили интереснейшие описания, в которых содержатся уникальные факты и виден неподдельный интерес и уважение к культуре островитян. Собранные во время этих путешествий коллекции на сегодняшний день являются одними из наиболее ранних и ценных микронезийских собраний в мире. Первое в России собственно этнографическое описание населения некоторых островов Микронезии (Яп, Улити, Науру) принадлежит Н.Н. Миклухо-Маклаю.

На протяжении последних столетий культура народов Океании испытывала негативное влияние Запада. Торговцы, миссионеры, колониальные власти — бессменные персонажи печальной повести, ставшей общей для множества народов неевропейского мира, изменяли традиционные институты и нормы. Японское правительство проводило политику переселения японцев на Каролины и насильственной ассимиляции местных жителей. Военные действия на Тихом океане в период Второй мировой войны и последующие ядерные испытания, проведенные США на Маршалловых островах, нанесли непоправимый урон материальной культуре и экологии Микронезии. Все эти процессы не могли не привести и к упадку традиционного мореплавания. Уменьшался флот каноэ, вытесняемый европейскими судами, нарушалась система передачи знаний и навыков, нивелировались тонкости судостроительного ремесла и навигационных практик. Поэтому сейчас особенно важным представляется зафиксировать эти исчезающие реалии и познакомить читателя с удивительным миром «крошечных островов».

Изучая океанийские культуры, едва ли возможно игнорировать в целом проблему освоения человеком Тихого океана. В историческом аспекте исследования она напрямую связана именно с нашим предметом — традиционным мореплаванием океанийских народов. Эта проблема давно вызывает интерес исследователей-океанистов, но долгое время в центре внимания оказывалась в основном полинезийская культура и окруженные жаркими спорами плавания древних полинезийцев. Откуда пришли эти народы, как им удалось преодолеть огромные океанские просторы и каковы были пути миграций — эти вопросы до сих пор продолжают оставаться одними из самых интригующих, причем в масштабах не только океанийской культуры, но и всемирной истории. При этом в отношении полинезийцев сформировалась презумпция статуса лучших в Океании мореходов. никоим образом не умаляя достижений этих мореплавателей, необходимо заметить, что обобщение возможностей всех полинезийских народов по признаку «мореходности» так же неправомерно, как и по любому другому. Достаточно вспомнить маорийскую и рапануйскую культуры, отличающиеся от культур других полинезийских регионов именно значительной деградацией навыков мореплавания.

Вопросы, связанные с оценкой мореходных возможностей предков полинезийцев, способов и путей освоения Пацифики,

интересовали уже ранних европейских путешественников в Океании. Но у наших современников словосочетание «заселение Полинезии» в первую очередь ассоциируется с именем Тура Хейердала, чьи труды и эксперименты получили большую известность, в том числе и в нашей стране. Вне зависимости от оценки его научной позиции, нельзя игнорировать тот факт, что яркая личность и неутомимый энтузиазм этого исследователя инициировали интерес к данной проблеме, вызвали вокруг нее бурные споры и в определенном смысле привели к новому витку в развитии изучения истории народов Океании.

В последней четверти XX в. вспыхивает интерес к океанийскому мореплаванию именно как к определяющей черте культуры народов Тихого океана. В 1973 г. в Гонолулу было организовано Polynesian Voyaging Society, основная деятельность которого фокусируется на проблемах традиционного мореплавания и заселения Океании. За время существования общества было построено более десятка реплик каноэ различных регионов Океании, осуществлено множество плаваний по предполагаемым историческим маршрутам.

Первоначально чисто исследовательский характер этих реконструкций органично развился в идею сохранения и возрождения уникальных традиций, знаний и навыков океанийских народов. Организованное по инициативе европейских активистов, общество вовлекало в свою деятельность все большее число представителей коренного населения. Постепенно произошло осознание ценности и уникальности сохранившихся традиционных практик — полинезийского материала оказалось недостаточно, и география расширялась. В первом плавании на «Хокулеа» — катамаране гавайского типа (1976 г.) — принимал участие микронезийский навигатор с Каролинских островов Мау Пирилунг. А совсем недавно, в 2006 г., в Микронезии на острове Яп (Каролинские острова) было организовано свое общество традиционного мореплавания («Yap Traditional Navigation Society»), при котором спустя некоторое время открылось «мореходное училище» — Traditional Maritime Institute, основная цель которого — дать навыки и знания предков именно местной молодежи.

Другая важная особенность изучения океанийского традиционного мореплавания в последние десятилетия, напрямую связанная с вышеописанными процессами реконструкции и возрождения, заключается в формировании профессионального подхода к данной

сфере культуры. С последней трети XX в. появляется ряд исследователей-практиков, имеющих опыт хождения на парусном судне: можно назвать Герхарда Хейна и Дэвида Льюиса; особо отметить Томаса Стивена и Томаса Глэдвина, работавших с микронезийским материалом и проводивших полевые исследования на Каролинских островах. Их труды отличаются качественно иным уровнем вхождения в материал, анализа и интерпретации данных. Книга Д. Льюиса «We, the navigators» (1972) содержит широкий и подробный материал по техникам полинезийской и микронезийской навигации. Исследования Т. Стивена скрупулезно описывают мнемонические и практические приемы навигаторов Каролинских островов. Что же касается работы Т. Глэдвина «East is a big bird» (единственный труд по данной тематике, переведенный на русский язык), то она является, без всякого сомнения, лучшим на сегодняшний день исследованием по микронезийскому традиционному мореплаванию.

Поскольку и в самой микронезийской культуре мореплавание есть комплекс специальных знаний, названный профессиональный подход и представляется столь успешным. Очевидно, что при разработке пограничных тем, относящихся, например, к этнолингвистике, этномузыкологии и т.п., исследователю необходимо профессиональное знание понятийного аппарата смежных дисциплин, иначе само исследование в этой области теряет всякий смысл. Так, музыка основана на нотном строе, который является ее универсальным основанием и не имеет зависимости от региональной или этнической привязки. В этнографическом изучении традиционного мореплавания в качестве такого аппарата выступают собственно физические законы и способы их использования в судостроении и судовождении.

Рассмотрение «технической» стороны исследуемой темы оказывается совершенно необходимым для создания полноценного этнографического текста. Такой анализ фактически будет являться инструментом изучения данного явления в соответствии с его собственной природой и с универсальностью его основных задач: строительства мореходного и безопасного судна и умения успешно ориентироваться в процессе плавания.

В качестве «рабочего» языка исследования будет выступать система терминов, сложившаяся в западном (парусном) кораблестроении и кораблевождении. (Это можно сравнить с тем, что исследователь, записывающий музыкальный фольклор, неизбежно

будет пользоваться нотной линейкой.) Здесь следует подчеркнуть, что использование европейской терминологии не следует понимать как буквальное сопоставление европейской и океанийской мореходных традиций. Иногда приходится слышать о некорректности сравнения технических характеристик современной яхты и традиционного судна, описанного, например, в начале XIX в. Предлагаемый нами подход направлен на выявление не количественных, а качественных параметров, т.е. специфики логического принципа, заложенного в основу микронезийской системы судостроения и навигации, в плане его соответствия практическим задачам. Океанийская мореходная традиция берется нами не как стадияльное — по отношению к европейской культуре — явление в терминах технической оснащённости и с точки зрения «лучше-хуже». Мы рассмотрим, как физические законы используются при создании тех конструктивных особенностей, которые мы будем расценивать как особенности культурные. Фокусировка на синхронической стороне изучаемого явления позволяет раздвинуть собственно хронологические рамки достаточно широко. Только так возможно определить действительные, а не внешние различия. Это, в свою очередь, позволяет более корректно проанализировать океанийское мореходное искусство, выявить его этнографическую самобытность и тем самым исключить метод сведения микронезийской культуры к европейским (или любым другим) стандартам, приносящий формальный и достаточно предсказуемый результат.

Вопрос о мореходном искусстве коренного населения Микронезии неизбежно ведет к расширению географии. Особенности микронезийского судостроения и навигации являются частью общеокеанийской традиции. Характеризуя собственно океанийский (и даже австронезийский) регион, невозможно провести четкие границы, искусственно изолировав друг от друга народы, столь тесно связанные в историческом и культурном отношении. Вне общего контекста едва ли возможно выявить специфику собственно Микронезии. Кроме того, сравнительный анализ позволяет рассмотреть некоторые вопросы, связанные с взаимодействием культур в океанийском регионе, что, в свою очередь, возвращает нас к поиску первоначальных этапов продвижения микронезийцев. Это означает, что историческая реконструкция, изучение изменений мореходных практик и причин этого — есть попытка ответить на вопрос о месте микронезийской культуры в пространстве и во времени.

В нашем случае реконструкция неизбежна еще и потому, что нередко приходится интерпретировать факты и явления, знание о которых носит фрагментарный или гипотетический характер. Относительная закрытость данной сферы знания внутри культуры объясняет ограниченный объем сведений, ставших доступными европейцам; полученные материалы не всегда могли быть поняты или трактованы однозначно в силу отсутствия прямых аналогов в европейской культуре. Не всегда поддаются точному учету различные формы «возмущения» традиционности: от непосредственного искоренения тех или иных явлений до невольных искажений, вызванных постепенным внедрением европейских знаний и технологий. Поэтому решение ряда проблем, спорных и / или малоизученных вопросов требует использования комбинированных методов научного анализа.